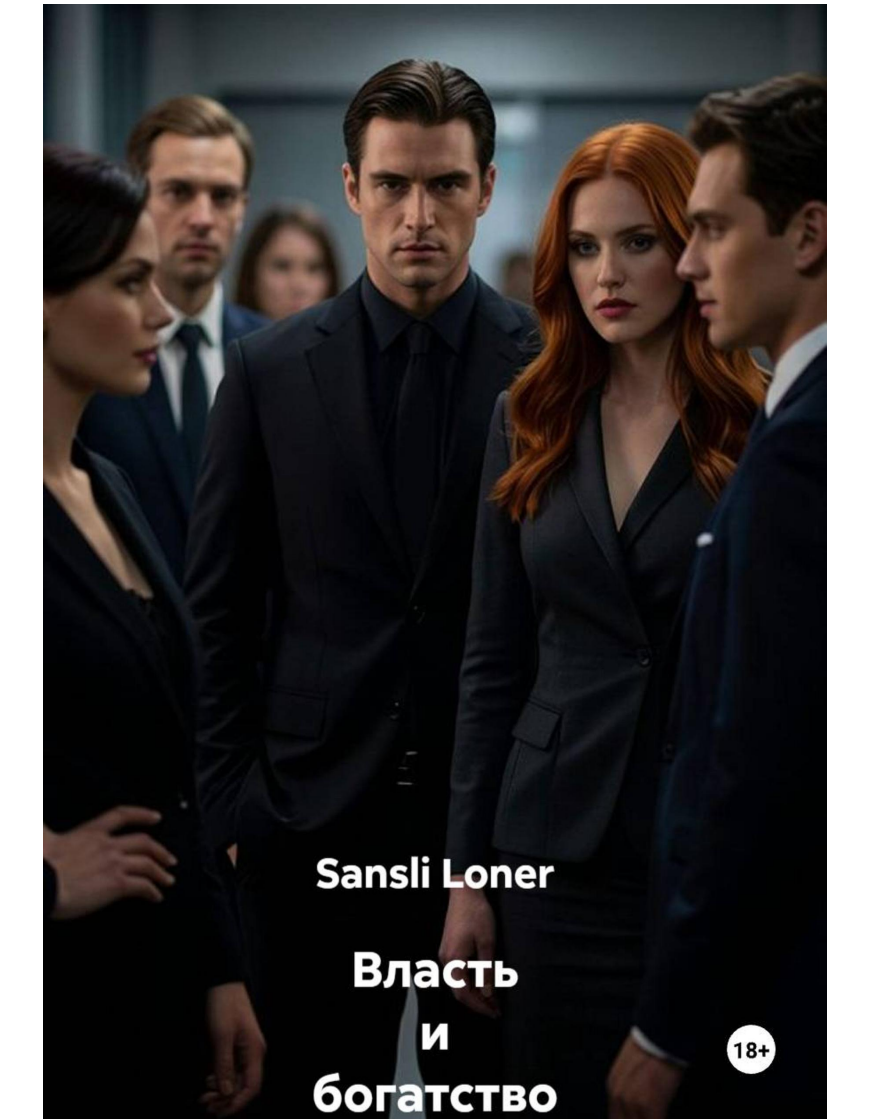

A promotional image for the TV series 'Sansli Loner'. It features a group of people in business attire. In the center, a man with dark hair and a serious expression wears a dark suit and tie. To his right, a woman with long red hair and a serious expression wears a dark blazer. To the far right, a man with dark hair and a serious expression wears a dark suit. In the background, a man with dark hair and a serious expression wears a dark suit and tie. The overall tone is serious and professional.

Sansli Loner

**Власть
и
богатство**

18+

Sansli Loner

Власть и богатство

<https://litres.ru/74490458>

SelfPub; 2026

Аннотация

В истории сплетаются власть, расчёт и страсть: холодный мир деловых сделок становится ареной для острых интриг и бурных чувств. Хозяин, его ассистентка, опасная соперница Рыжая и давний соперник одноклассник ведут сложную игру, где каждый шаг — риск, а каждое слово — ход. Пролог задаёт напряжение схватки за контроль и признание, а эпилог показывает, как герои, пройдя через испытания, учатся ценить не власть, а доверие и тепло близких. Это драма о том, как сила становится человеческой, когда её делят с теми, кто по-настоящему дорог.

Содержание

Пролог	4
Увольнение секретарши	6
Свежая работница	8
Поход за одеждой	9
Благотворительный вечер	13
Заключение партнёрства	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Sansli Loner

Власть и богатство

Пролог

Город не спал. Он вообще редко спал по-настоящему — только притворялся, прикрывая глаза неоновыми вывесками и приглушая гул улиц до низкого, тягучего рокота. В этом шуме прятались судьбы: кто-то спешил на последнюю электричку, кто-то впервые решался позвонить, а кто-то — как он — стоял у окна на двадцать восьмом этаже и смотрел вниз, туда, где свет фонарей дробился на тысячи острых осколков.

Он знал этот город как свои пять пальцев — и всё равно каждый раз находил в нём что-то новое: тень в переулке, которую не замечал раньше, вывеску, которая будто появилась из ниоткуда, взгляд случайной прохожей, в котором читалось больше, чем она хотела показать. Власть, деньги, связи — всё это было инструментами, но не ответами. Ответы он искал в движении, в решениях, в том, как люди ведут себя, когда думают, что их никто не видит.

А её он заметил сразу — не потому, что она была самой яркой, а потому, что держалась так, будто яркость ей не нужна. Она не пыталась понравиться, не старалась быть незамет-

ной, не играла ни в одну из привычных ролей. В её спокойствии была сталь, в её голосе — точность, в её движениях — расчёт, который он ценил больше всего.

И когда он предложил ей работу, он уже знал: это не просто найм сотрудника. Это начало партии, где фигуры двигаются не по шахматной доске, а по улицам города, по коридорам отелей, по тёмным углам чужих секретов. И ставки здесь — не деньги. Ставки — это контроль, доверие и право решать, кто останется стоять, когда дым рассеется.

Она согласилась. Не с восторгом, не с дрожью в голосе, а просто: «Справлюсь. Легко». И в этой лёгкости он услышал вызов — тихий, почти незаметный, но такой, от которого в груди становилось тесно.

Так началась история, где каждый шаг был одновременно и планом, и риском, и признанием. История, в которой любовь и власть шли рука об руку, спотыкаясь друг о друга, но не отпуская.

Увольнение секретарши

Офис дышал роскошью: тёмное дерево, бронза, панорамные окна. Здесь царил безупречный порядок — и хранила его Секретарша.

Ей было сорок два, но выглядела она сдержанно и строго: причёска, очки, костюм — всё работало на дело, а не на эффект. Она знала расписание Хозяина до минуты: когда вылет на буровую, когда встреча по отелям, когда приём.

Сегодня порядок дал трещину.

Хозяин вошёл стремительно, остановился, обернулся:

— Зайдите ко мне. Сейчас.

Секретарша отложила папку, поправила очки и вошла в кабинет. Хозяин сидел в кресле — собранный, будто решение давно принято.

— Присаживайтесь. Буду краток. Мы расстаёмся.

Она села, не торопясь.

— Вы работаете отлично, без проколов. Но мне нужен другой человек рядом. Я много времени провожу на приёмах и вечеринках — это не только дела, это веселье. И рядом должна быть молодая, яркая спутница, а не протокольный сотрудник.

— То есть увольняете из-за возраста?

— Да. Мне нужен определённый имидж. В нефтяном бизнесе и в гостиничном деле внешность решает не меньше, чем

цифры.

— Я поняла, — спокойно сказала она. — Подпишу документы, передам дела, помогу с подбором замены.

Хозяин кивнул:

— Спасибо. Это по-взрослому.

— Взрослость не всегда про мягкость, — ответила она, поднимаясь.

Вернувшись к столу, она закрыла календарь, чтобы никто не заметил, как дрожат пальцы, и собрала вещи в картонную коробку: фото сына, керамическую чашку — подарок от коллег, ежедневник, бумаги.

В приёмную заглянула стажёрка:

— Ой, а что... вы уходите?

— Да. Сегодня мой последний день.

— А кто теперь будет всем управлять?

Секретарша устало улыбнулась:

— Кто-то другой. Всегда находится кто-то другой.

Собрав коробку, она постучала в дверь кабинета:

— Всё подготовила. Документы на столе. Вот мой номер — если понадобится что-то уточнить. И если поймёте, что нужен не «образ», а тот, кто знает ваш день, — дайте знать.

Свежая работница

Найти замену оказалось просто: десятки девушек искали работу. Они приходили одна за другой — кто-то красив, но терялся под взглядом, кто-то уверен, но без гибкости. Он слушал, кивал и забывал имена.

Появилась брюнетка. Не модель — но с той притягательностью, от которой воздух становится плотнее. Он задержал взгляд и тут же вернул лицу отстранённость.

Говорила коротко, живо, без суеты — будто не на собеседование, а в гости. От этого казалась ещё увереннее.

Пауза. Он проговорил условия:

— Зарплата — договоримся. Одежда — на твой вкус, с моего согласия, оплачивает компания. Жить — соседний номер в отеле. Всегда рядом. Приёмы, вечеринки, на связи двадцать четыре на семь. Календарь ведёшь так, чтобы я о нём не вспоминал.

Тишина. Он ждал хотя бы намёка на сомнение.

Она чуть подняла уголки губ:

— Справлюсь. Легко.

Он едва заметно улыбнулся — всё шло по его сценарию. Контракт подписали в тот же день.

Поход за одеждой

Хозяин сразу обозначил цвета: только красный и чёрный. Конфликта не возникло — девушке нравились эти цвета, будто он угадал её до встречи.

В бутике она примеряла наряды один за другим: короткие юбки, прозрачные рубашки, в которых тело угадывалось точнее, чем скрывалось, платья-мини, едва достававшие до середины бедра. Выходила из примерочной спокойно, без жеманства — шла к зеркалу, поворачивалась, проверяла, как ткань ложится по фигуре. Но каждый выход выглядел как маленький спектакль.

Мужчина смотрел не скрывая. Глаза шли туда, куда хотели — на изгиб бёдер под узкой юбкой, на линию ключиц в вырезе, на то, как просвечивает кружево под тонкой рубашкой. Не отводил взгляд и не маскировал его деловым видом. Это была часть негласной сделки: он смотрит, она знает, что он смотрит.

Девушка видела. И подогревала. Чуть дольше задерживалась у зеркала, выгибаясь, чтобы ткань натянулась. Поправляла бретельку медленно, почти показывая грудь. Поворачивалась спиной, оглядываясь через плечо — и ловила его взгляд, как ловят мяч.

— Это для приёмов? — кивнула на чёрное платье с глубоким вырезом.

— Для всего, где нужно, чтобы смотрели на тебя, а не на меня.

Она чуть улыбнулась:

— Тогда красное — для того, чтобы смотрели на нас обоих.

Выбрали всё, что соответствовало статусу: дорогие ткани, чёткие силуэты, ничего лишнего, ничего стесняющего. Десятки нарядов легли на прилавок, как карты на стол.

Дальше поехали за нижним бельём.

В бутике было тише: мягкий свет, приглушённый шёлк, продавщица, которая тут же исчезла за портьерой. Девушка выбирала спокойно, уверенно — красное кружево, чёрный шёлк, прозрачные вставки, тонкие ленты вместо бретелек. Брала с полок, не спрашивая мнения: знала, что на её теле всё будет выглядеть так, что спорить не захочется.

Переодевалась, не закрывая дверь примерочной до конца. Не демонстративно — просто не закрыла. Шёлковый халат соскользнул с плеча, и она стояла перед зеркалом в одном кружеве — без тени стеснения, будто так же естественно, как дышать. Глаза блестели. Она видела его в отражении — взгляд, который шёл по телу жёстко, откровенно, без паузы. Ощущала его желание, как жар, как плотный воздух, который не даёт вдохнуть полной грудью.

Чуть повернулась. Кружево лифа едва прикрывало соски, тонкая полоска ткани уходила вниз, только подчёркивая, а не скрывая. Провела пальцем по краю кружева — будто слу-

чайно — и снова поймала его взгляд.

Мужчина стоял в проёме. Челюсть напряжена. Руки в карманах — но не расслабленные, а сжатые в кулаки там, в глубине ткани. Еле сдерживал себя. Не потому что не был уверен. Не потому что не хотел. А потому что не обесценивал. Давал ей свободу — раздеваться, показываться, играть с ним, — но не отпускал контроль. Знал: если сорвётся сейчас, она перестанет быть сотрудницей и станет женщиной. А до этого нужно дойти. Правильно.

Она надела халат обратно — медленно, будто завершая акт, которого не было. Вышла из примерочной спокойно, с пакетом белья в руке, как с папкой документов.

— Достаточно?

Он выдержал паузу.

— Нет. Но достаточно на сегодня.

В машине она молчала, глядя в окно. Не от смущения — от удовольствия. Знала, что сегодня он думает о ней. Что завтра снова будет думать о ней. И это было ровно то, что ей нужно.

Он тоже молчал. Думал не о белье. О том, что впереди — вечера, приёмы, номера в отелях, коридоры, где они будут идти рядом. Много моментов. Много возможностей. И каждый раз выбор будет тоньше, а расстояние — короче.

Посмотрел на её профиль в свете фонарей: чистая линия шеи, тень улыбки на губах.

— Ты понимаешь, что играешь с огнём?

Она повернулась. Без улыбки. Глаза тёмные, спокойные, абсолютно трезвые:

— Я не играю. Я работаю.

Он кивнул. И нажал газ.

Благотворительный вечер

Зал был оформлен с дорогой нелепостью благотворительных вечеров: бархат, свечи, струнный квартет — и повсюду люди в костюмах животных. Лисьи маски, перья, хвосты, нарисованные усы. Благотворительный вечер защиты животных — ирония была сознательной, и каждый гость участвовал в ней с удовольствием.

Он стоял у колонны — обычный смокинг, ни маски, ни хвоста. Хозяин вечера не рядится. Хозяин смотрит.

Она пришла вовремя. Чёрное платье — короткое, плотное, открывающее плечи. На голове — пушистые белые ушки, мягкие, чуть наклонённые вперёд. Кошка. Не маскарадная — настоящая: грация, тихая дерзость, взгляд исподлобья, который говорил «тронь — и я отвечу, но не так, как ты ждёшь».

Она пересекла зал — медленно, не оглядываясь. Знала, что идёт к нему. Все в зале знали. Никто не сказал ни слова.

— Ушки, — сказал он.

— Что?

— Ты выбрала кошку.

— Я и есть кошка. Просто сегодня это видно.

Он посмотрел на неё — от ушек до каблуков. Платье обтягивало каждый изгиб, заканчивалось высоко на бедре. Белые ушки контрастировали с чёрным платьем, с тёмными воло-

сами — и от этого она казалась нереальной.

Желание владеть её телом поднималось внутри — не волной, а приливом: ровным, неотвратимым. Он видел, как она улыбается гостям, как чокается бокалом, как наклоняет голову — и каждый жест был движением, которое он хотел присвоить.

— Идём, — тихо, ей на ухо.

— Куда?

— Сюда.

Он взял её за локоть — не крепко, но так, что спорить не имело смысла. Провёл сквозь толпу к боковой двери, которую знал, потому что был Хозяином этого дома.

Коридор. Ещё одна дверь. Комната — маленькая, тёмная, с диваном, столом, баром. Он закрыл дверь, повернул ключ. Щелчок замка — окончательный.

Прижал её к стене — жадно, без паузы. Поцеловал — так, будто забирал. Она ответила сразу — будто знала, что так и будет, будто весь вечер шла именно сюда.

— Ты знала?

— Что знала?

— Что это будет.

— Я оделась кошкой. Кошки не ходят туда, куда их не зовут.

Он усмехнулся — коротко, голодно — и снова поцеловал, руки на её талии, ниже, на бёдрах, под платьем.

Она отстранилась — не чтобы уйти. С игривой улыбкой

опустилась на четвереньки. Плавно, по-кошачьи. Проползла к столу. Открыла ящик — спокойно, будто знала, что там лежит.

Достала. Металлическую пробку в виде хвоста — тонкого, пушистого, белого, как её ушки. Поднялась, повернулась к нему:

— Ты сам выставишь мне хвостик, или хочешь посмотреть, как я это сделаю?

Тишина. Его дыхание стало тяжелее.

Он подошёл. Забрал хвост. Присел на диван. Притянул её за запястье — мягко, но без выбора. Она легла на его колени — естественно, будто это было её место.

Он медленно поднял платье — ткань скользнула вверх, обнажая кожу. Девушка прикусила губу — от предвкушения.

Шлёп. Не сильно — но достаточно, чтобы кожа порозовела. Она вскрикнула — тонко, негромко.

Шлёп. Ещё раз. Чуть сильнее.

— Ты... — начала она.

— Молчи.

Шлёп. Розовый след проступил на коже, и он провёл ладонью по нему — медленно, чувствуя тепло.

— Ещё? — спросил он.

— Ещё.

Он стянул её трусики, медленно, вниз. Провёл рукой по спине — от поясницы до шеи. Взялся за волосы — мягко, потом чуть подтянул, оттянув голову назад. Она выдохнула

— предвкушение, сдача, доверие.

Потом взял хвостик. Начал вводить в её дырочку аккуратно — медленно, давая привыкнуть. Она почувствовала металл — чуть холодный, и от контраста с горячей кожей по телу прошла дрожь.

— Холодный, — прошептала она.

— Скоро нагреется.

— Знаю.

Хвостик встал на месте — белый, пушистый, как у настоящей кошки. Она слезла с его коленей — плавно, без спешки — и встала на колени перед ним.

Её руки — к его брюкам. Расстегнула — спокойно, без дрожи. Достала его член — провела рукой пару раз, медленно, будто знакомилась.

Потом губы — обхватили, сначала головку члена, легко, потом глубже. Ещё, и ещё. Он положил руку ей на голову — чуть надавил, и она взяла глубже, и его дыхание сорвалось.

— Так, — выдохнул он. — Именно так.

Она не ответила — не могла. Но он чувствовал её улыбку.

Чуть позже он поднял её — мягко, за подбородок. Положил на диван, спиной, раздвинул ноги. Провёл головкой члена по её клитору — медленно, дразня. Она дрогнула, прикусила губу.

— Не мучай, — прошептала она.

— Я не пытаю.

— Тогда не медли.

Он вошёл — чуть резко, одним движением. Она почувствовала его внутри — полностью, до конца — и стон вырвался сам, громкий, неуправляемый.

— Ещё, — попросила она. — Быстрее.

Он ускорил. Входил глубже с каждым движением, и её тело отвечало — изгибом, встречей, стоном, всё громче, всё откровеннее.

— Ты громкая, — сказал он.

— Ты сам сказал — громче.

— Я не жаловался.

Она засмеялась — и смех перешёл в стон, и он почувствовал, как она сжимается вокруг него.

— Меняю, — сказала она.

Он сел на диван. Она — сверху, лицом к нему. Сняла платье одним движением, потом бюстгалтер — и прижалась грудью к его лицу. Он обхватил её спину руками, притянул ближе, и она начала двигаться — медленно, потом быстрее, скользя по его члену, снова и снова, точнее, глубже, отчаяннее.

— Я почти... — вырвалось у неё.

— Жди.

— Не могу.

— Сможешь.

— Не могу, я сейчас...

Он прижал её к себе крепче, ускорил снизу, и она закричала — уткнувшись ему в шею, без слов, без имени. Тело

напряглось, сжалось, волна прошла через неё — и увлекла его следом, через несколько движений, жёстко, до судороги. Он кончил внутрь — все до последней капли.

Потом — тишина. Дыхание. Её пальцы на его спине, его руки на её талии. Хвостик белел за её спиной.

— Нам надо вернуться, — сказала она тихо.

— Знаю.

— Тебя будут искать.

— Пусть ищут.

Она слезла, поправила платье, убрала хвостик в ящик стола. Провела ладонью по волосам, поправила ушки.

— Выглядишь как кошка, которую гладили, — сказал он.

— А ты — как Хозяин, который гладил.

— Так и есть.

Дверь открылась. Коридор. Музыка. Свет. Они вернулись в зал — по отдельности, с разницей в минуту. Он — к инвесторам, с бокалом. Она — к столу с закусками, поправив ушко.

Никто не заметил. Или все заметили — но промолчали, потому что в этом зале, среди лис и волков, каждый умел хранить тайны.

Заключение партнёрства

Вертолёт сел на буровую платформу в семь утра. Море — серое, холодное, ноябрьское. Ветер бил в борт, пока они спускались.

Она шла за ним — на три шага, как положено. Папка прижата к груди, каблуки стучат по металлу, волосы собраны. Секретарша. Спутница. Тело, которое он трогал вчера в тёмной комнате. Сегодня об этом знали только они — и тишина между ними была полной.

— Кто будет? — спросила она в вертолёте.

— Не знаю. Совсем. Так договорились. Узнаем при встрече.

— А если это ловушка?

— На буровой? С тридцатью рабочими и тремя вышками?

— Логично.

— Я всегда логичен.

Она только посмотрела — и в этом взгляде была ревность, которую ещё не успела назвать.

Переговорная — модульный блок, окно во всю стену, за ним море и небо одного серого цвета. Длинный стол, кофе в термосе. Ничего лишнего.

Он сел во главе стола. Она — справа, блокнот открыт, ручка в руке. Смотрела на дверь.

Дверь открылась через три минуты.

Рыжая.

Волосы до лопаток, прямой пробор, цвет — как медь, как предупреждение. Голубые глаза — спокойные, оценивающие, с тем выражением, когда человек привык видеть больше, чем показывают. Тёмно-синий костюм, юбка-карандаш, белая рубашка. Каблуки выше, чем у секретарши. Тонкие золотые часы. Ни одного лишнего украшения.

Молодая — лет тридцать-тридцать два. Красивая той красотой, что не просит внимания, а забирает его.

— Доброе утро, — голос низкий, ровный, без улыбки. — Полагаю, вы меня ждали.

— Полагаю, — ответил он. — Проходите.

Рыжая вошла, охранник остался у двери. Села напротив Секретарши. Положила тонкую папку.

Секретарша не дрогнула лицом, не сбила дыхание. Профессионал. Но мгновенное движение, заметное только женщине, всё же было: Рыжая подвинула папку к нему — Секретарша перехватила раньше, чем он успел коснуться. Взяла, подала ему. Пальцы скользнули по обложке — Рыжая это почувствовала.

Рыжая посмотрела на Секретаршу — спокойно. В этом спокойствии читался вопрос: «Ты серьёзно?»

Секретарша не ответила. Раскрыла блокнот, записала время.

— Итак, — он открыл папку. — Условия.

— Двадцать процентов доли за транспортировку и логи-

стику через северный коридор, — ровно сказала Рыжая. — Без вашей инфраструктуры трубопровод простаивает. Без моей — продукция не доходит до терминала.

— Двадцать — много.

— Двадцать — справедливо. Ниже — неинтересно. И вы здесь не ради экономии. Вам нужен партнёр, а не подрядчик.

Пауза. Он посмотрел на рыжую, потом на Секретаршу. Та сидела неподвижно, но пальцы на ручке чуть побелели.

— Восемнадцать, — сказал он. — Принимаю.

— Отлично, — коротко улыбнулась Рыжая, без тепла. — Договор подготовим к концу недели. Подписание — на нейтральной территории.

— Согласен.

Она поднялась, поправила пиджак, положила вторую папку на стол. Секретарша снова перехватила — взяла, положила перед ним. Пальцы рыжей замерли на долю секунды. Она заметила.

Рыжая посмотрела Секретарше прямо в глаза — две секунды. В них было: «Я вижу тебя. И мне это интересно».

Секретарша выдержала взгляд. Без улыбки. Просто: «Видишь — смотри. Но не трогай».

Рыжая едва заметно кивнула, повернулась к нему:

— Жду договора к пятнице.

— Будут.

— Знаю.

Она ушла. Охранник — за ней. Дверь закрылась.

Тишина.

— Ты перехватывала документы, — сказал он.

— Это моя работа.

— Раньше ты так не делала.

— Раньше не было повода.

— Она тебе не понравилась.

— Она профессионал. Этого достаточно.

Он усмехнулся и не стал спрашивать дальше.

— Договор к пятнице, — сказала Секретарша. — Черновик подготовлю к среде.

— Хорошо.

— Вам кофе?

— Да.

Она вышла в коридор. Ветер, шум, запах металла и нефти. Остановилась у иллюминатора, посмотрела на море.

«Не показывай. Не показывай.»

Но Рыжая уже видела. И это значило, что всё только начинается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.